

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №12 ГАЗЕТА

Гонец Цвета / Современная проза

Олег Хафизов

Свердловск – Тула

Прозаик, эссеист, журналист. Автор повестей и романов на современные и исторические темы, в том числе антиутопии «Дом боли», диалоги о Толстом-Американце «Дикий американец», «Дуэлист», истерна «Государева стража». Призер ряда премий и конкурсов, первый лауреат литературной премии «Золотое перо Тулы» (2004).

Андрей Коровин

п. Первомайский Щёкинского района Тульской области – Московская область

Поэт, прозаик, организатор литературных проектов. Автор 13 поэтических книг в России и Польше. Стихи переведены на 13 языков, опубликованы в журналах, российских и иностранных поэтических антологиях. Член Союза российских писателей. Организатор культурного проекта «Международный научно-творческий симпозиум “Волошинский сентябрь”». Основатель и руководитель литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва).

Александр Евсюков

Щёкино – Москва

Прозаик, критик, сценарист, редактор. Автор трех книг прозы и сборника критики. Победитель ряда премий и конкурсов (в том числе «Золотое перо Тулы», 2023). Проза переведена на семь языков, опубликована в журналах и международных антологиях. Заведующий отделением прозы Московского отделения Союза российских писателей.

Виктория Ткач

Днепропетровск – Тула

Поэт, переводчик. Автор 12 поэтических сборников. Стихи переведены на польский и французский языки. Лауреат, дипломант и финалист ряда литературных премий и конкурсов, в том числе «Золотое перо Тулы» (2009). Редактор литературного альманаха «Муза». Заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева. Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева. Член Союза российских писателей.

Владимир Милов

д. Бегино Одоевского района Тульской области – Тула

Поэт, прозаик. Автор поэтического сборника «Заветная тетрадь». Публиковался в журналах «Дальний Восток», «Иван-Озеро», «Приокские зори», «Сура» и др. В настоящее время пенсионер МВД. Ветеран боевых действий — Чечня, 2000 г.

Александр Романов

Хабаровск – Киреевск Тульской области

Поэт, прозаик, священнослужитель. Автор трех книг. Победитель областных, всероссийских, международных литературных премий и конкурсов. Публикуется в ведущих «толстых» журналах (в том числе в «Роман-газете»). Часть прозаических произведений напечатана под псевдонимом Дмитрий Петров. Член Союза писателей России.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2024
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2024 №12 /1953/ Основана в 1927 г.

Гонец Цвета

Современная проза

Время метели

От составителя

Какова она, сегодняшняя русская литература, связанная с тульской землёй, напитанная её соками, принявшая и преобразившая мощнейшие художественные традиции XIX века? Конечно, единственно точного исчерпывающего ответа не сможет дать никакая антология. Однако под этой обложкой собраны двенадцать современных авторов, родившихся и/или живущих в Туле и её окрестностях, тонко подмечающих особенности быта и настроенных на выявление глубинных черт бытия. Потому что перед вами роспись на ткани самой жизни с живыми уникальными характерами людей — наших ли современников, исторических личностей или новых фольклорных героев.

Предвижу упреки — мол, тульским писателем по праву может называться исключительно тот, кто проживает в своём регионе, «где родился, там и сгодился». Но так ли это? Думаю, нет — у каждой творческой личности свой путь, требующий постоянного развития и перемещений, в том числе географических. Куда важнее связь с людьми, преобразёнными в персонажей, деятельная поддержка талантливых собратьев по перу, своевременная протянутая рука помощи в водовороте литературного процесса. И конечно же, найденная и не утерянная авторская индивидуальность — свои сокровенные темы, своя особая манера письма. Благодаря такому творческому преобразению народной правды и яркому стилю был сотворён один из главных тульских «брендов» — «Левша» Николая Лескова, по происхождению отнюдь не туляка.

А сегодня Олег Хафизов открывает этот номер циклом «Купеческих сказок», озорным авторским фольклором с размахом от тульской глубинки до самого Парижа. Надежда Григорьева в своём дебютном рассказе делится реальной историей из времён Великой Отечественной войны. Новелла Владиславы Васильевой «Перчатка» преподносит жизненную драму через узнаваемые комические подробности. Истории Марии Косовской выделяются пронзительным сопереживанием всему живому. Поэтические зарисовки Виктории Ткач обогащены сказочными мотивами. Вся жизнь в несколько глотков проходит перед мысленным взором главного героя рассказа Юрия Кириленко «Маленькое кафе на бывшей площади Ленина». А самая юная из авторов этого номера, рождённая уже в новом тысячелетии, Елизавета Волынская ярко заявляет о себе в двух коротких рассказах «Папа не умер» и «Никита подумал».

Но почему же я назвал своё вступление «Время метели»? Здесь традицию «Метели» Льва Толстого (а до него произведений Аксакова и Пушкина), её сильнейший образ по-своему развивают в своих повестях Владимир Милов и Илья Луданов, соприкасается с ним и сюжет рассказа «Свет» писателя-священника Александра Романова. «А метель всё мела и мела, катила свои белые волны, пенила их на гребнях, закручивала в водоворот, и чудилось, что снег проходит насквозь и через дома, и через сараи, и через лозинки, и нет ему преграды. Где земля, где небо — всё смешалось, слилось» (В. Милов. «Однажды метельной ночью»). Именно метель, ограничивая героев в возможности передвижения в пространстве, легко переносит их из одного времени в другое, а порой и напрямую вмешивается в развязку сюжета.

И, словно бы для равновесия, обратный южно-черноморский антураж предлагает Андрей Коровин. Здесь море, а главное, любовь и боль, которые никак не скрыть поэтической позой. Отдельной строкой отмечу Сергея Овчинникова, врача и писателя, — он из породы подвижников, радеющих о деле куда больше, чем о личном признании. Без малого четверть века ему — зачастую на собственные средства — удаётся ежегодно издавать альманах «Тула», без которого уже невозможно представить тульскую литературу нового века.

Очень надеюсь, что номер получился не только интересным и многоплановым, но также цельным и запоминающимся, как путешествие сквозь ту самую русскую метель.

Александр Евсюков, прозаик, критик, сценарист, член Союза российских писателей

Олег Хафизов

Купеческие сказки

Сказка о том, как крестьянин Яков Лихошерстов купцом стал

Это сейчас Яков Андрианович — весомый купец, и нет ему равных даже на улице Пятницкой, где купец на купце сидит и купцом погоняет. А родился он, ей-богу, не вру, самым что ни на есть лапотным крепостным крестьянином Мценского уезда Орловской губернии.

Правда, через четыре года после его рождения царь-батюшка крестьян освободил, только освобождённые мужики ещё сильнее захудали, чем под баринном. Так их заморочили петербургской дурократией, что они работать вовсе отучились: сидят на чернозёме, а извлечь из него ничего не могут.

Яша Лихошерстов, между тем, подрос и в такой разум вошёл, что и родители не верили, что он их природный отпрыск. Считает, как подьячий, пишет, как архиерей. За что ни возьмётся, всё у него в копейку обращается, как у древнего еллинского царя Мидаса, который был Якову Андриановичу не чета.

Как надумает кто из мужиков чего-нибудь купить, продать ай в оборот пустить, так бегом к Якову Андриановичу, а тот прищурится, подумает и сказывает: «Эту коровку не бери, а бери вон ту лошадь после поста». И всё так обоснует, что от его доброумия у соседей ничего, кроме прибýtка, а и сам он не внакладе. В такое уважение вошёл, что к семнадцати годам его Яковом Андриановичем величали, да и сам барин его за ручку брал и моншерил как равного.

Вошёл наш Яков Андрианович в женительный возраст, и стали ему родители невесту подыскивать. Все двory обшарили, полный осмотримент представили, а Яшеньке всё не по нраву: одна толстовата, другая простовата, а третья и вовсе чистый кошон.

— Мне, — говорит, — ваша простота не в расчёт. Мне нужна невеста льготная, деликатесная.

Матушка так и ахнула:

— Ай дворянку столбовую возмечтал?

— Дворянку не дворянку, а купеческую дочь возьму, — отвечает Яков Андрианович. — Она мне — сословие, а я ей — жизненное условие.

И в тот же день отправил сватов в уездный город Мценск к купцу второй гильдии Шестакову Илье

Ивановичу, у коего как раз поспевала дочь Танюша. А надо сказать, что купец этот был хоть и почтенной фамилии, но совсем захудал по причине вакхического преклонения. Для порядка он ещё поломался, да как узнал среди мценских купцов, что за фигура на его дочь посягает, так и ударили по рукам.

Танюше жених полюбился, а Яков Андрианович, как увидел невесту, так и сомлел.

— Я, — говорит, — умыслил брак по расчёту, а достиг по исключительной любви.

Так и записал дьячок при обыске, что составлялся тогда перед венчанием, в церковной книге: «Женится, мол, по безумной любви, что при заключении брака препятствием быть не считается».

После свадьбы Яков Андрианович перешёл в купеческое сословие, и уже его лапотное происхождение отошло в область тёмных преданий. И вот он говорит жене:

— Ты меня, Танюша, возвысила до райского блаженства, ибо ныне я есть не токмо купец, но Эдемский небожитель первой гильдии. А теперь проси у меня, чего твоя душа желает.

— Ах, уедемте отсюда, Яша, — говорит ему Татьяна Ильинична. — Город Мценск мне претит своей грубой атмосферой.

— Куда же вы, к примеру, хотите перенестись, мой ангел? — спрашивает Яков Андрианович.

— Хочу жить во граде Туле с его пряничной сладостью и модными прелестями.

Сказано — сделано. В том же году Яков Андрианович купил у тульского мещанина участок на улице Пятницкой, а уже на следующий год возвел вот этот каменный дом — не дом, а княжеские хоромы.

Сказка о том, как купец Яков Андрианович познакомился с купцом Антоном Евграфовичем и как они подружались

Тульский купец Яков Андрианович Лихошерстов любил странничать. Особенно же по храмам да монастырям, святым местам да целебным колодезям. А уж после богомолья как-то само собой делалось, что прибыль прямо в руки ему лезла, хоть он за ней и не гонялся.

Как-то раз, на Иванов день, приехал Яков Андрианович в город Епифань, подивиться на здешний

Никольский собор, что, по слухам, был больше питецкого.

Собор, и правда, был хорош, почти как в Питере. Да и соборная площадь называлась, как в Москве, — Красная. А на Красной площади перед Никольским собором шёл торг, как и каждый год здесь бывает на Иванов день.

И вот зачесалась у купца правая ладонь, а это знамение и прямой намек от Николы Чудотворца: ждёт тебя прибыль.

Вот и обращается Яков Андрианович к девочке, епифанской стрекозе, которая везде летает и все переносит:

— Девочка, а какой товар на вашей ярмарке наилучший?

Девочка отвечает:

— У нас все наилучшие!

— А что у вас тут есть такого, чего в самой Туле не сыщешь?

— Мёд у нас такой, что не то что в Туле, а и в самой Москве хуже бывает. От самого царя за ним приезжает обед-кухмейстер, покупает по сто ефимков за бочку, да никому больше продавать не велит, чтобы царю-батюшке не зазорно было.

— Кто же у вас такой знатный мёд топит?

— Это, батюшка, государственная тайна. А как пойдёшь вниз по улочке, то пчёлки тебе её на уши и нажужжат. Они государеву тайную грамоту не читывали и крест на том не целовали.

Пошёл Яков Андрианович вниз по улочке, спрашивает у прохожих, где здесь царский мед продают, а все от него шарахаются, пучатся да перемигиваются. Думают: упред детина от епифанской медовухи. Как вдруг вылетает из-за забора рой пчёл, да и погнался за купцом. Яков Андрианович руками машет, шапкой отмахивается, вертится, крутится, да и забежал в какой-то двор.

Видит, посреди двора стоит стол с самоваром, играет патефон с трубой, а за столом — купчина дородный, бородатый, чай гоняет.

Пчёлы, как увидели купца, так и повисли на месте, и хоботками клюют часто-часто, вроде как кланяются. А купец им:

— Ступайте, детушки, мне вас боле не надобно. Да приведите сюда дочь мою Аринушку, что этого молодца заманила. Я ей за труды орехов греческих в подол насыплю.

— Ай ты пчелиный король? — удивился Яков Андрианович.

— Я не король и в короли не лезу, — отвечает купец. — Зовут меня Антон Евграфов сын Байбаков. А звание наше простое — купцы второй гильдии.

— Так это ты царским мёдом торгуешь по сто ефимков за бочку?

— Я не король, а и ты не герцог. А мёд я тебе и по пяти рублёв отдам.

— А ну как царь проведает да сказнит тебя за такой медольянс?

— Я тебе не из гербовой бочки буду мёд накачивать, а из опчественной. Про опчественный мёд государь мне ничего не наказывал, а мёд в ней от той же епифанской пчелы. Так что, берёшь по пяти рублей?

— Беру, — обрадовался Яков Андрианович. — По четыре с полтиной!

Ударили купцы по рукам, сели за стол, да так за сиделись, что купчиха Байбакова их из-за стола водой отбрызгивала. Так про них потом и стали говорить, и на Туле, и в Епифани: Байбаков с Лихошерстовым — друзья неразлучные — не разлей вода.

Сказка о том, как купец Яков Андрианович по приглашению купца Антона Евграфовича ездил в Епифань на ярмарку со своим товаром

В другой раз купец Яков Андрианович приехал в Епифань не чай гонять, а товар торговать. Епифань — городок неказистый, это вам не Париж и не Вена, но и не Осло какое-нибудь, прости Господи. Всего, что из земли растёт, в хлеву хрюкает да в воздухе трепыхается, здесь своего довольно. А вот галантерейного шика да заграничного лоска маловато — да что там маловато, совсем нет.

Вот и надумал Яков Андрианович Епифань европством огорошить. Как рассвело, с молитвой друзья-купцы стали свой товар раскладывать. Антон Евграфыч торгует своим, самобытным, чем Бог послал — кожами-рогожами, воском-лоском, салом-навалом. А Яков Андрианович граммофон взвёл, усы наострил, котелок набекрень, жабовую подманишку наотлёт, чечётку бьёт и галдит:

— Медам-мусьё, бабьё-моё, пардон жёву при, напролом не при! Мой товар парижский шик! Покупай жене, мужик!

Товар-то у него был тульский, но с французским ярлыком, а сработан в своём амбаре, на улице Пятницкой. Зато и цена не парижская, сходная: бриллиантовые броши — по пятаку, кольё с алмазной завеской — гривенник, а шляпка на страусином подмёте — аж полтинник.

Вот и набросились епифанские медамы на этот тульский Париж, как пчёлы на варенье. Любуются, квохчут, томятся. Торг в Епифани тесноватый, народ темноватый, так что Антон Евграфович сразу смекнул: при такой кондуренции придётся ему сегодня, не солоно хлебавши, в свои кожи оборачиваться, да своими же медами подслащаться. Вот он и говорит Якову Андриановичу:

— Не дело это, Яков Андрианович, у друга покупателя переманивать. Ты нашим епифанским медамам своим тульским Парижем ум затмил.

Яков Андрианович отвечает:

— Хоть и друг ты мне, Антон Евграфович, а у нас на Туле говорят: «Хлебцем вместе, а табачком врозь». Я ведь суды приехал не умы наставлять, а копейку плющить. После торга ты мне друг и брат, а пока-

мест — тамбовский волк тебе товарищ. Извини, подвинься.

Тут Антон Евграфыч и вспомнил, как намедни, за столом, тульский гость всё к шашкам интерес питал да бахвалился, что ему-де в шашках никто не равен — ни на всей Пятницкой улице, ни за рекой Упой, где дошлые оружейные мастера живут. И вот Антон Евграфыч, как некий новый Одиссей Епифанского уезда, говорит своему азартному другу:

— Опечалил ты меня своей каверзой, милый друг Яков Андрианович! Злата блеск тебе разум затмил, а пуще — лишил тебя благоухания дружеских чувствований, наполняющих сад нашей жизни. Для сохранения нашего дружества при обоюдной выгоде предлагаю тебе скрестить клинки наших умов не на торговом попреще, но на шашечной доске. Кто проиграет в шашки, тот и убирается вместе со своим товаром с торга вон. Оставшийся же любимец Фортуны торгует в полную свою выгоду и наслаждается всеми благами, дарованными греческим коммерческим богом Гермесом.

Яков Андрианович был гроссмейстером по шашкам по обе стороны великой реки Упы, но и Антон Евграфович был в Епифани третьим. А надобно вам знать, дорогие мои, что на Епифани быть по шашкам третьим было то же самое, что во всей галактике — вторым. Такие искусные шашкисты жила в те времена в Епифани.

Прикрыли они свои лавочки и сели за стол. То Яков Андрианович одолеет Антона Евграфыча, а Антон Евграфович отыгрывается, а то наоборот. Начали вроде с трёх партий из трёх, потом — десять из десяти, и пятнадцать, и двадцать партий сыграли.

Играют час, играют другой. Яков Андрианович расстегнул свою жабовую подманишку, Антон Евграфович рассупонился по самое дезабильё. Оба потные, оба упрямые, одним словом — одержимые азартом. Как вдруг колокол ударил у Николы Чудотворца, опомнились друзья, глядят, а площадь давно опустела, и народ после вечерни домой идет.

— Какой же у нас с тобой будет счёт? — спрашивает Яков Андрианович.

— Счёта я не вёл, а кажется, что остались мы при своих, — отвечает Антон Евграфович.

— Прошу покорно отыгрываться в Тулу. Коммерции урон, а дружбе прибыль, — говорит Яков Андрианович.

Обнялись, запели и пошли за стол — дружбе предаваться. Отсюда и пошла старинная епифанская поговорка: «Победила дружба».

Сказка о том, как купец Антон Евграфович расфрантился в Туле

Когда купец Антон Евграфович играл с купцом Яковом Андриановичем в шашки, то Антон Евграфович замечал, как его друг всё присматривается:

то к его козловым сапогам, то к его люстриновой жилетке, а то к его дремучей бороде, и при этом словно кручинится. И вот Антон Евграфович и сам наконец впал в сомнение и со всей своей купеческой резигнацией адресовался к Якову Андриановичу так:

— Что это вы, почтенный Яков Андрианович, так меня штудируете, словно на мне начертаны некие загадочные письма царя Валтасара? Будто я вам чем не угодил или моё угощение вам претит?

— Ах, что вы, любезный Антон Евграфович, — отвечал ему Яков Андрианович со всей приятностью, свойственной дружбе. — Ваше опчество мне благоугодно донельзя, а ваше угощение под стать и вашему опчеству. Но, ежели вы и уловили на челе моём некое облако мимолётной печали, то оно омрачает не вашу персону, но ваш костюм.

— Чем же погрешил мой костюм? — всполошился Антон Евграфович, который по епифанским меркам был, так сказать, законодатель мод.

— А тем, моншер Антуан, что в Париже и Туле так не ходят со времен императора Павла Петровича, — брякнул Яков Андрианович. — А коли желаете отправиться со мною в Париж на Всемирную выставку промышленных изыществ, то извольте сперва ко мне в Тулу прифрантиться.

А надобно заметить, что Тула для епифанского купца была не бог весть какая Мекка, чтобы перед нею пластаться, но тульский шик уже так мало уступал московскому, как и московский петербургскому, а питерский — парижскому. Так что иного щеголеватого тульского купца уже невозможно было отличить от самого отъявленного парижского франтье, разве в посрамление сему последнему.

— Будь же моим Пигмалионом, изваявшим из меня прекрасного Кипариса, — согласился Антон Евграфович, который, при своём купеческом звании, был начитан не менее трёх столичных профессоров, вместе взятых и сильно перемешанных.

Друзья тут же прыгнули в самую быстролётную перелётку и примчались в славный город Тулу. А там уже Яков Андрианович повел друга по торговым рядам, где тульские парижане отрясли его, как некую грушу, увешанную серебряными плодами. Вместо тужурки купчина облекся в заливной фрак с проблеском, вместо шаровар натянул белые панталоны со шкрипками, вместо козловых сапог — лаковые ступлеты на гуттаперчевом подскоке.

Напоследок же Яков Андрианович свершил над Антоном Евграфовичем то, что Петр Великий до него сотворил над московским боярством — лишил его бороды. Увидев в зеркале своё голое мальчишество, Антон Евграфович мало что не прослезился. Однако же, к немалому его утешению, Яков Андрианович представил ему портрет французского герцога де Муравье с такой же точно трехконечной эспаньолкой, и купец приобвык. Когда же на улице Пятницкой некий приказный, толкнувши, сказал

ему: «Пardon, месье!», то Антон Евграфович почувствовал себя природным Антуаном, коему в Париже самое место.

Тою же ночью, когда семейство Байбаковых, помолвившись Богу, отходило ко сну, всю Епифань переполошил собачий скандал. Сколько на улице ни было бродячих псов, все они сбежались у байбаковских ворот и надрывались под деревом, на коем гнезвился странный человек: барин — не барин, немец — не немец, а вылитый французский маршал де Кормикур после ретирады из Москвы.

Епифанские мужики собрались у ворот, чтобы кольями приземлить сего галломана, но тот на чистом епифанском наречии возопил:

— Свой я, епифанский, Антон Евграфов сын Байбаков! А накиньте на меня свойственный мне зипун, дабы не быть растерзанным псами, подобно новому Актеону!

Антону Евграфовичу принесли его старый зипун, он переоделся по епифанской моде и уже более так не франтил в неполюженном месте, доколе нога его не ступила на берега туманной Сены.

Сказка о том, как купец Яков Андрианович и купец Антон Евграфович в Париж собирались

На следующий год в Париже объявили Всемирную выставку коммерческого изящества, с тем чтобы со всего мира собрать всё самое удивительное, до чего додумалась человеческая выдумка, всё взвесить, пронумеровать, оценить да в оборот пустить. Купцы российской гильдии свезли всё самое изумительное к царю во дворец, дабы его величество самолично выбрал, чем свою империю представить, а что и себе оставить.

И чего тут только не было: чернобурые лисы-семихвостки и осетры с ногами, что сами в бочку заползают и икру мечут, мороженые русские слоны и говорящие соколы, что охотника за собой кличут, елецкие кружева ажурного хитросплетения да фарфоровые яйца Померже с золотыми завидными цыплятами. Только для всего этого добра у царя не доставало паровозных самоходов, и пришлось купцам жеребей тянуть, кому в Париже Российской империю представлять, а кому и дома Париж представлять в зажмуренном воображении.

Отломил его величество от веника семь длинных соломин, одну надкусил и говорит:

— Вот семь соломин от всех семи провинций моего царства. Кто вытянет короткую соломинку, тот пушай за всю мою империю и отдувается. Получит в Париже золотого телёнка с бриллиантовыми рогами — награду по-царски и назначу потомственным ландратным маркграфом. А нет — загоню на Аляску моржовый зуб у алеутов на калоши менять.

Стали купцы жеребей тянуть, Яков Андрианович и полез без очереди, тульским нахрапом. Дёрнул его

величество за ручку, глядь — и вытянул короткую соломинку. Обомлел сначала от такой фортуны, а затем проморгался и говорит царю:

— Нам, тулякам, не привыкать за всю Расею на рожон лезть, и я на свою фортуны не ропщу. Только у меня к тебе, царь-батюшка, будет нижайшее поползновение.

— Какое такое поползновение, говори, пока я добрый, — говорит государь с прищуром, так как он, конечно, свой тульский народец знал слишком хорошо, чтобы обойтись без каверзы.

— А дозвожь мне, государь, иметь при себе экстренного подсистента, на тот случай, если я по своей тульской простоте где проболтаюсь или в грязь лицом ударю перед недругами во время банкетной шаткости. Этот подсистент меня бы обратно в ум привёл и перед недругами отболтал.

Государь подумал как следует, вспомнил парижские соблазнительные избытки и выпустил манифест: дескать, ехать за всю Российскую империю купцу Якову Андрианову Лихошерстову, а купцу второй гильдии Антону Евграфову Байбакову быть при нём экстренным подсистентом.

И вот, с утра, помолвившись, наши друзья сели первым классом в быстролётный локомотивный экспресс — чих-пых! — и отправились в вольный город Париж — на людей посмотреть и себя показать.

Сказка о том, как купец Яков Андрианович и купец Антон Евграфович в Париж ездили

Всю дорогу до Парижа Яков Андрианович и Антон Евграфович играли в шашки да на гармошке и дули чай, так что нечувствительно проскочили три королевства и одну республиканскую монархию. И так они раскочегарились, что не заметили, как локомотивный экспресс выпустил пар и пристал к самой Вандонской коломне.

— А не изволите ли знать, что это за каланча на курьих ножках? — удивился Антон Евграфович, который в Епифани такой конфигурации никогда не видывал.

— Ах, это... — отвечал Яков Андрианович, расчёсывая свою эспаньольную бородку на европейский фасон. — А это, любезный друг, непревзойдённая астрономическая коломна инженера де Вандона, которая улавливает из неба месмерические мерцания и передаёт их в банк герцога Ротшильда.

— На что же, к примеру, сдались эти месмерические мерцания герцогу Ротшильду, и не довольно ли ему ослепительного сияния злата?

— А на то, ваше епифанское степенство, что, по астрономическим угадкам, космическое небо скоро совсем погаснет и стемнеет. Вот тогда-то герцог Ротшильд и будет месмерические мерцания по банкам фасовать да в розницу продавать.

Не успел Антон Евграфович эту космоагонию уяснить, как из локомотива их выставили и к путеводительному gidу приставили.

Звали этого путеводителя мосье Репье, а был он никакой не путеводительный гид, а тройной осведомительный ажан, и был на жалованье сразу у трех государей: французского Наполеона Тринадцатого, английского Георга Бедоносца и германского Вильгельма Завоевателя. От каждого из этих государей он имел против других задание: ложь повсюду разносить, а правду скрывать, дабы правду никто не узнал, а про ложь не догадался.

Мосье Репье усадил гостей в экипажный таксон и помчал по самым парижским кушобам, чтобы у русских простаков дух перехватило, а ум помутило. Горлом трещит, пальцами щёлкает, глазами мигает, а под шумок выведывает: как бы ему русские чертежи запонтировать да русским же и продать.

— О-ля-ля, жёву при! — трещит мосье Репье. — Вы имеете шанс видеть уникальную Триумфальную парку, под ней, мол, сам великий Наполеон парился после похода в холодную Россию. А какой, пардоньте, товар вы презентуете на выставке?

— Товар всё больше автоматический... — отвечает Яков Андрианович в угаре туристических восторгов, а Антон Евграфович, как верный подсистент, цап его пальцами за ногу. И Яков Андрианович добавляет:

— Товар самый тульский: медведь, гармошка да самовар.

— О-ля-ля! — отвечает мосье Репье. — А вот перед вами всемирно знаменитые Енисейские поля. По этим полям парижские дамы совершают дефиле, а парижские кавалеры их убулждают.

— Выгон? — интересуется Яков Андрианович, а мосье Репье и отвечает:

— Мы, — говорит, — не компран, какой такой выгон, а какой, пардоньте, нам интерес в ваших медведях, если вся Европа давно перешла на химические меха?

— А такой, что этот медведь не для меха... — заводится Яков Андрианович, а Антон Евграфович его щиплет да поправляет:

— Не для меха, а для смеха.

Приезжают они на Пляс-Дригаль, а там такой хоровод, такой шумсон стоит, что волосы дыбом, а глаза вразбег.

— Это, извольте видеть, французский еретический танец капкан, — объявляет мосье Репье. — А капканом его прозвали оттого, что, раз увидев, любовью мосье ходит весь день как в тисках и посматривает мимо прямых дел.

— Вот бы нам в Туле такой танец учредить! — не стерпел Яков Андрианович.

— А вы, моншер, только дайте мне ваши чертёжики под люмьеровским аппаратом подержать, так весь этот кувыркантный фордебалет под самые ваши окна тотчас сбежится.

Тут уж Антон Евграфович отодвинул своего падшего друга в сторону, да и отвечает за него:

— Ты, моншер мусью, приезжай к нам в Епифань на гулянку, так там и не такого капкана насмотришься, да ещё с мордобоем впрысядку. А чертёжные понтетации для медведя не требуются. Он самим Господом начертан и запонтетован.

Так и отвезли друзей спать в отель Полурояль — с рябью в глазах, но себе на уме. Мосье Репье все их ответы сфонографировал и отослал по имстанциям, а наутро в Осмотрительном павильоне открылась и выставка.

Чего там только не было: французский ветрокрылый винтолет и немецкая газовая бездушина, американская саморучная пила и японский автоматический змей, умный поддом и электрический стол...

Доходит очередь до Российской Империи. Публичные подозреватели смеются, пальцами тычут, молниями сверкают. Только гляньте, мол, медамусью, какое разительное простовековье! Медведь, гармошка и самовар, как в отсталые времена Иван Террибль!

Тут, однако же, Яков Андрианович позвенел графинчиком и возразил, что этот автоматический медведь Тульского Оружейного завода начинён особыми способностями, умеет говорить пятью языками, косить траву и забивать гвозди. Гармошка настроена играть отдельно от музыканта и ещё присочинять. А самовар, если его раскочегарить как следует ядрёным тульским топливом, может долететь до самая Луны и вернуться раньше, нежели чай остынет.

Всё это было тотчас исполнено перед Жюрительной Комиссией и утверждено гербовым правдификатом. Однако медали за таковые достижения не было отчеканено впрок, поскольку удивления в этом было много, а выгоды мало. Итак, академики пошпепались, потёрлись бородами и достали из ящичка старинную медаль «Подсчётного легиона», на коей значилось: «Безмерно толико изумление», и сверху надчеканили: «Без толку изумление».

В тот же день, как императору доставили это известие по фонографическому дальногографу из Парижа, он изволил сильно разгневаться и велел сослать обоим купцов торговать моржовыми клыками на Аляску. Однако вспомнил, что на днях продал Аляску за миллион имперялов Североамериканским Соединённым Штатам, и продиктовал своему мажордому такой манифест:

— Купцам Якову Андрианову Лихошерстову и Антону Евграфову Байбакову выдать перстень с табакеркой за усердие. И быть им каждому при своём деле безвылазно — одному на Туле, а другому — на Епифани.

Так и живут Яков Андрианович и Антон Евграфович каждый на своём месте, а про парижские тайны вспоминают всё больше за самоваром, после ярмарки.

Александр Романов

Свет

Отец Никодим замерзал. Холодные стены неотапливаемого храма впитали весь февральский мороз. Лёжа на сырой деревянной лавке, кутаясь в старое зимнее пальто, он вспоминал, как до революции служил практически каждый день, как на первой неделе Великого поста исповедь совершали очень рано, до начала Литургии успеть всем желающим отпустить их грехи.

— Церковь есть от Бога установленное общество людей, соединенных Православной верой, Законом Божиим, священноначалием и таинствами, — слово молодой семинарист процитировал он слова из Катехизиса. Теперь иначе: люди отвернулись от Бога, службы запретили, утварь изъяли, храмы закрыли. Непонятно одно: зачем?

Вопрос мучил и терзал его постоянно. Единственный ответ, что приходил на ум: проблема, значит, в нас, в тех, кто нёс учение Христа, — архиереях, пастырях, дьяконах. Возможно, допустили оплошность, не уделили внимание, обидели делом или словом? Это «нас» и «мы» занозой резало сердце. Пожилой протоиерей, посвятивший всю жизнь служению, начиная от учебы в семинарии, воспитанный в лучших традициях духовных школ, понимал, какая пропасть возникла между народом и Церковью. Равнодушие к жизни прихожан, формальное исполнение треб, стремление к обогащению, роскошной жизни становились нормой для большинства священников, в особенности молодых. Дух радости от возможности послужить у престола превратился в рутину. Отсутствие желанья проповедовать слова благовестия. Да и разница между городскими и деревенскими батюшками существовала огромная. Приезжая, до революции, на ежегодное епархиальное собрание, он подмечал это постоянно: в одежде, манерах поведения, разговорах. Особенно выделялись молодые, недавно рукоположенные дьяконы и иереи, направленные на служение в город. Держались они особняком, со своими бывшими сокурсниками, направленными в деревню, старались не общаться, хотя несколько лет назад делили бурсацкую трапезу и быт. Отец Никодим, видя такую обособленность, придумал своеобразную игру. Осматривая каждого, отмечал для себя, кто, где служит и практически никогда не ошибался.

Однажды, так же осматривая новых собратьев, осёкся. А не осуждение ли скрыто в невинной забаве? Отец Никодим подумывал о поездке к епархиальному духовнику на исповедь. Оправдание или озарение пришло неожиданно из далёкого ученического прошлого, вспомнилось слово-наставление, произнесённое ректором семинарии на выпускном акте: «На вас будут смотреть, как ни на кого другого.

Вы будете образцом правильной духовной жизни! Вы не имеете права стать плохими! Никто и никогда не подумает, будто вам тяжело и вы можете болеть. В головах у мирян не возникнет подобных мыслей! Священники святы, для них вы — святые! Остальное не важно».

Встрепенулся. Встал. Перекрестился. Пришла пора начинать. В его распоряжении несколько часов, и за ним придут. Эта страшная и одновременно удивительная мысль: «отслужишь последнюю в жизни земную Литургию» — пришла озарением свыше, ощущением чуда, которое нельзя отпустить.

Чудо, вообще, что произошло с ним в последнюю неделю. И особенно та встреча, благодаря которой он сегодня в храме. Началось всё в понедельник.

* * *

Отец Никодим ещё до наступления рассвета возвращался домой с требы, его попросили причастить больного. С началом преследований и гонений за веру раннее утро или поздний вечер стали единственным временем для совершения обрядов и таинств. А ещё и возможностью хоть небольшого, но заработка.

Ему повезло: после закрытия храма его не арестовали. Поехав к правящему архиерею, он попросил новый приход, но тот ответил, что помочь не сможет. Ничего не оставалось, как искать работу, и тут возникло много проблем: преклонный возраст, отсутствие специальности и самая главная заключалась в простом слове «поп», которое отпугивало будто проказа. Отрекись от Христа — вот тогда и поможем.

Вообще, старался, не отказывал никому. Понимал, рискует, но более тридцати лет священнической жизни отдал этому уездному городку, где даже после революции обращаются за помощью.

— На всё воля Божья! — часто повторял эту фразу. Узнают, поймают, значит, так надо! Мой крест! Взялся — неси!

Пройдя немного, остановился на перекрёстке. Вдруг из-за угла дома неожиданно вышел коренастый мужчина небольшого роста. Движения человека были осторожными, словно тот пытался спрятаться от кого-то невидимого. Едва поравнявшись, он резко толкнул отца Никодима плечом:

— Смотри, куда прешь! — сам же огрызнулся незнакомец.

— Извините, задумался, — кротко ответил священник.

— Погоди.

Мужчина огляделся по сторонам. Убедившись, что никого нет рядом, шепнул: «Подними и прочти». Пройдя немного вперёд, он выбросил из кармана смятый листок бумаги и пошёл вверх по улице, словно ничего не произошло.

В растерянности и непонимании происходящего отец Никодим смотрел на клочок бумаги. Лицо человека показалось ему знакомым, но, кто это и при

каких обстоятельствах они могли встречаться, оставалось загадкой. Вопросов становилось больше, а ответ напрашивался один — поднять и узнать. Сделал небольшой шаг, остановился. А не провокация это? Сейчас кто-то из ГПУ так же неожиданно подойдёт и арестует? Что за текст там внутри: призыв к свержению власти, контрреволюции или нечто подобное? Любопытство победило. Быстро поднял листок, спрятал в карман пальто.

* * *

Идти от перекрёстка, где произошла странная встреча, до дома было недалеко.

— Может, выбросить, — вслух размышлял он, — а зачем тогда подбирал? Хотят подставить? Но никто нет, значит, важное что-то в этой бумаге?

Пытаясь успокоить свои сомнения, попробовал читать молитвы. После первой же возвратился к мысли о листке.

Показался небольшой деревянный дом, которым он очень дорожил. Когда его, молодого священника вместе с матушкой, благословили после рукоположения на служение в этот городок, дом, который находился на территории храма, занимал настоятель со своей семьёй. Ничего не оставалось, как четыре года снимать угол у одной старухи.

Так и скитались бы они по съёмным углам, но произошло следующее: несколько молодых семей, уезжая на заработки, распродавали своё имущество, среди прочего и старый домик, требующий многих вложений. Просили за него немного, но их сбережений не хватало. Посоветовавшись с матушкой, решили попросить в долг. Часть денег заняли у настоятеля, а часть у местных кто позажиточнее.

Делали всё своими руками. Отслужит — и бежит ремонтom заниматься. Прихожане понемногу помогали. Общими силами через год вся работа завершилась.

Через десять лет, когда отца Никодима назначили на место почившего священника настоятелем, он пару раз думал о переезде, однако любовь к этому небольшому, сделанному своими руками домику взяла верх.

* * *

Вот и калитка. Прошел по заметному снегом двору и постучал в дверь. Послышались шаги, скрипнул засов. В проеме показалась поленьевая женщина средних лет. Матушка. Чистый, по-детски наивный ее взгляд столкнулся с растерянным взглядом священника.

— Что-то случилось? — спросила она.

Отца Никодима удивляло, с какой точностью она определяла его состояния: радость, печаль, скорбь. Читала его переживания по одному вздоху, жесту.

— Матушка, подожди, узнаешь, — опуская руку в карман пальто, твердил он.

Сжимая в кулаке листок бумаги, отец Никодим, не разуваясь, прошёл на кухню, сел на стул. Ему

вспомнился праздник Крещение. После службы весь приход отправлялся на Иордань. Купель выпиливали прямо в небольшой речушке, протекающей недалеко от храма. Хор пел тропарь: «Во Иордане, крещающуся Тебе, Господи», алтарники несли кандию, иконы, хоругви. А потом, по традиции, священники и большинство мирян погружались в воду. Чтобы не перехватывало дыхание от холода, старался сделать максимально глубокий вздох, и это помогало. Сейчас он сделал так же.

Выдохнув, разжал кулак, развернул листок и прочитал: «В четверг за тобой придут. Поступил донос. Ничем не могу помочь. Переводят. Сможешь убежать — беги. Спасибо за мать».

Последнее предложение сложило наконец всю эту историю в единую картину, и вспомнился незнакомец. Около полугода, поздним вечером, к нему пришел председатель местного ЧК. Батюшка, увидев его, представил самое плохое, но, что тот будет просить пособоровать мать, которая находилась при смерти, не ожидал. Выполнив просьбу, через некоторое время узнал она пошла на поправку.

— Теперь этот человек решил тоже помочь мне, — заключил отец Никодим, — видимо, осталось еще людское в них.

Надо искать выход.

— Убежать? Это точно не вариант, найдут. Да и неправильно, я со Христом и буду с Ним до конца, не предам Его! А как быть с матушкой? Либо так же арестуют, либо... Нет, не допущу! Отправлю её подальше от города. Им она особо и не нужна, им нужен я и подобные мне. Господи, слава Тебе, не дал нам детей!

Почему-то эта фраза прозвучала в голове отца Никодима как обнадеживающая и утешающая. Раньше он считал это Божиим наказанием. Верно, всем Ты ведаешь!

За размышлениями отец Никодим не заметил: матушка стоит рядом и растерянно смотрит на него.

— Что произошло? — спросила она.

— Знаешь, Лена, тебе придётся уехать к твоему брату на Урал.

Взяв листок, прочитала. В глубине души знала, такой момент наступит. Дочка митрофорного протоиерея, воспитанная в благочестии, возражать и убеждать супруга не старалась, догадывалась — бесполезно.

— Только необходимое, только самое нужное, — повторял священник.

Матушка, в спешке перебирая вещи, невольно вспоминала моменты совместной жизни, которую она боялась назвать прошлой. В надежде пыталась найти другое решение, перебирала варианты, приходила к мысли: вынужденный побег — единственный выход. Маленький дорожный чемоданчик не вместил многое, но это и не важно. Важно одно — расставались они навсегда. Как ни пытался супруг переубедить в обратном, знала: это лишь слова утешения.